

«УТВЕРЖДАЮ»

И.о. проректора по научной
и исследовательской деятельности
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

доктор химических наук

А. В. Метелица

«14» _____ 2018 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Южный федеральный университет» о диссертации Стихиной Ирины Александровны «Проза Урса Видмера: поэтика “швейцарского”», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (Западная Европа)

Диссертация Ирины Александровны Стихиной «Проза Урса Видмера: поэтика “швейцарского”» посвящена творчеству современного немецкоязычного писателя, которое практически не исследовано в России, а в Европе пока является в основном объектом литературно-критической рефлексии.

Актуальность темы исследования. Общественно-литературная репутация (престижные премии, награды), место в современной литературно-медийной иерархии (Урс Видмер как репрезентант швейцарской словесности уступает только знаменитому Петеру фон Матту: с. 3), а также, главным образом, уровень художественного мастерства позволяют оценивать творчество Урса Видмера как заслуживающее серьезного литературоведческого исследования. Актуальность представленной И.А. Стихиной работы продиктована всеми этими факторами и является абсолютно обоснованной. Диссертант справедливо указывает на отсутствие

«каких-либо сформированных концепций творчества Урса Видмера в целом и его поэтики в частности» (с. 8).

Другими существенными аргументами в пользу актуальности темы исследования являются: *во-первых*, выявленная И.А. Стихиной стилевая и мировоззренческая сложность, гибридность творчества У. Видмера, позволяющая на его примере рассмотреть типичные художественные процессы эпохи постмодерна; *во-вторых*, востребованность гуманитарным и культурно-политическим дискурсом ревизии национальных картин мира, выработки в век глобализации новейшего интеллектуального инструментария, пересмотра культурных стереотипов, в том числе столь глубоко исследованных И.А. Стихиной «тривиальных мифов» и «гельветической мифологии» (исторически сложившихся специфически швейцарских национально-культурных стереотипов). Указанные аспекты, безусловно, встраивают работу И.А. Стихиной в ряд типологически значимых филологических исследований, ценность которых выходит за рамки анализа поэтики одного автора.

Научная новизна диссертации выражена на нескольких уровнях: методологическом, описательно-историческом, а также на уровне функциональной поэтики.

На уровне методологии автор предпринимает опыт встраивания поэтики У. Видмера в несколько художественных парадигм европейской литературы – реализма, постмодернизма, а также отдельных течений модернизма (экзистенциализм), – выявляя сложнейшие конфигурации взаимодействия указанных парадигм в его творчестве. Действительно, с одной стороны, проза У. Видмера содержит образцы, близкие европейским традициям художественного психологизма («Любовник моей матери», «Дневник моего отца»), разработанным в рамках реализма, с другой стороны, во всех текстах писателя присутствует метапозиция, то ироническая, то трагическая, то фарсово-игровая, обнажающая свойственные постмодерну эпистемологическую неуверенность, снятие ценностной иерархии высокого /

низкого, наконец, сомнение в самой возможности катарсиса (здесь вполне уместно обращение И.А. Стихиной к идеям Ф. Джеймисона, в частности, к представлению о расщепленном, «шизофреническом» субъекте и отказу от очищающего аффекта, а также к идеям И. Хассана, выявившего в дискурсе постмодерна проблематизацию семантической «глубины»). Наиболее удачно выявить особенности этой метапозиции автору удастся на материале экспериментальных, игровых текстов писателя (главы 2–3). Особого внимания заслуживает выход исследования на уровень интермедиального анализа отдельных произведений Видмера, хотя здесь, ввиду новизны материала и дискуссионности самого феномена «интермедиальности», И.А. Стихиной сделаны первые шаги, позволяющие пока говорить, скорее, об отдельных наблюдениях и открытых перспективах изучения интермедиальности прозы Видмера.

Важным вкладом как в историю швейцарской литературы XX–XXI вв., так и в разработку поэтики Урса Видмера является подробный анализ художественного мира, стилистики, а также интертекстуальных связей его творчества. Диссертация И.А. Стихиной должна стать существенным подспорьем для отечественных германистов в моделировании картины новейшей немецкоязычной литературы Швейцарии в целом и в разработке ее персоналий в частности. Поэтому следует отметить скрупулезность, подробность анализа отдельных элементов поэтики (тем, персонажей, автотекстуальных аллюзий, стратегий ре- и демифологизации и пр.) в интерпретации произведений Видмера как художественного целого. Важно, что большинство выбранных И.А. Стихиной текстов исследуется в русской германистике впервые. Так, впервые в специфическом «швейцарском» ракурсе анализируются романы «Любовник моей матери», «Дневник моего отца», «В Конго», «Жизнь гнома». «Впервые устанавливаются связи между автобиографическими элементами в прозе, комментариями У. Видмера и его автобиографией “Путешествие на край вселенной”» (с. 9). На обширном литературном материале впервые системно рассматриваются

постмодернистские элементы поэтики У. Видмера; интертекстуальный и мифопоэтический анализ проводится в произведениях писателя, не исследованных ранее в этом аспекте. «В диссертации впервые в отечественной германистике обсуждаются общеэстетические работы У. Видмера, представляющие значительную ценность для понимания особенностей поэтики “швейцарского” в творчестве писателя» (там же). Следует особенно отметить охват материала исследования, чрезвычайно масштабный для кандидатской диссертации.

Достоверность результатов исследования подтверждается подробной системой ссылок на оригиналы произведений У. Видмера, «пристальным прочтением» его текстов, при котором наблюдения, гипотезы и выводы иллюстрируются примерами, а также широким – немецкоязычным по преимуществу – литературно-критическим контекстом, в который встроено творчество изучаемого автора. Библиография демонстрирует серьезную проработку современного корпуса текстов о Видмере и вокруг него, о швейцарской литературе и ее роли в становлении европейской литературы XX–XXI вв.

Структуры диссертации. Положения, выносимые на защиту, соответствуют поставленным задачам и поэтапно реализованы в структуре диссертации. Глава 1 «Реалистические ракурсы поэтики прозы У. Видмера» посвящена разбору наиболее «реалистических» произведений писателя, в которых он в художественной форме рефлексировал над собственной биографией, вписывая ее в исторический контекст эпохи, Швейцарии, Европы (см. в особенности параграф 1.4). Особенной ценностью обладает материал параграфа 1.1 («Швейцарский» контекст поэтики У. Видмера), поскольку именно в нем обоснованно представлены и подход диссертанта к проблематике «швейцарского», и широкая панорама культурных и литературных связей Видмера с национальной культурной средой. Параграф 1.2 «Тематическое своеобразие прозы: “швейцарский взгляд” на тему войны» содержит интересный литературоведческий и историографический материал,

в котором пересматривается роль Швейцарии во Второй мировой войне и намечается путь демифологизации. Чуть менее убедительно звучит параграф 1.3. «Гуманизм как специфика “швейцарского” в мировоззрении У. Видмера». Гуманизм рассматривается здесь «как мировоззренческая доминанта» (с. 38), однако возникает вопрос: почему следует придавать этой доминанте гражданство, как быть тогда, скажем, с гуманизмом Томаса Манна («Германия и немцы») или Альбера Камю («Письма к немецкому другу»), осмыслявших трагедию Второй мировой войны в подобных мировоззренческих константах и настаивавших на общечеловеческом содержании гуманизма?

Глава 2 «Постмодернистские элементы поэтики прозы У. Видмера» содержит обоснование двух объектов исследования – интертекстуальности и интермедиальности, а также анализ отдельных проявлений данных приемов в прозе Видмера. И.А. Стихина подробно рассматривает постмодернистскую картину мира и особенности свойственной ей поэтики, выделяя в качестве парадигмообразующих указанные приемы. Наиболее насыщенным в плане проработки материала и последовательным в методологическом отношении является Глава 3 «Мифы как основной интертекстуальный элемент в прозе У. Видмера», в которой наглядно и убедительно демонстрируется как типичная для эпохи постмодерна, так и индивидуально-авторская манера работы писателя с политическими, литературными, визуальными, «тривиальными» мифами. В качестве особого преимущества при интерпретации мировоззренческой, эстетической и политической позиции Видмера следует указать на очень продуктивное и лишнее поверхностного, буквального подхода рассмотрение эссеистики Видмера. И.А. Стихиной удается показать, как тесно в творчестве Видмера-постмодерниста переплетаются художественная практика и чисто интеллектуальная рефлексия.

Научная и практическая значимость заключается в полученных диссертантом результатах, позволяющих более фундаментально и, одновременно, детально осмыслить творчество Урса Видмера в его сложном

отношении к «швейцарскому»: драматичном, ироничном, де- и ремифологизирующем. Безусловно, материал диссертации И.А. Стихиной представляет собой один из первых, смелых, а потому не лишенных дискуссионных моментов опытов трактовки феномена Видмера.

Учитывая указанные выше признаки качественного профессионального исследования, отличающегося авторской оригинальностью и новизной, следует, тем не менее, отметить некоторые спорные моменты, вызывающие вопросы и побуждающие, как минимум, к рефлексии диссертанта над перспективами дальнейшего изучения предмета. На наш взгляд, появление этих дискуссионных моментов объясняется новизной материала, отсутствием необходимой для научного подхода хронологической дистанции (писатель умер в 2014 году), высоким риском, который берет на себя всякий «пионер», осваивающий творчество своих современников.

Замечания к диссертации

1. Во Введении, а также в конце Заключения появляется понятие «поэтология». При формулировке новизны диссертант пишет: «впервые рассматриваются особенности поэтики прозаического творчества У. Видмера как система поэтологических средств выражения, присущая писателю» (с. 9). Далее читаем: «поэтологическая система писателя»; «Предмет исследования — особенности поэтологической системы прозы У. Видмера» (там же). Автор не поясняет свое отношение к данному термину, кроме того, впоследствии везде фигурирует «поэтика», а не «поэтология», тем более что в формулировке цели заявлено «выявление своеобразия поэтики» (с. 9), в «теоретической значимости» тоже фигурирует «поэтика». Таким образом, использование термина «поэтология» не мотивировано и не функционирует при разборе произведений. Куда логичнее было бы появление и в описании методов, и при анализе произведений термина «мифопоэтика» (есть ведь и ссылки на Е.М. Мелетинского). Поэтологический аспект предполагает эксплицитно выраженную рефлексия автора над собственным художественным миром, стилем, методом, отображая уровень не поэтики, а

метапоэтики. Однако диссертант не останавливается на этом аспекте подробно. Хотелось бы понять: это просто ошибочное смешение терминов (поэтика / поэтология) или так и не реализованная установка исследования?

2. В работе фигурируют понятия «тема», «тематика», однако в ключевых позициях (названия разделов, формулировки задач, выводы) отсутствует термин «проблематика». Однако именно о ней идет речь в большинстве параграфов: диссертант подменяет вполне уместный и устоявшийся термин словом «специфика», «специфика темы». Кроме того, анализируя «тематику», несомненно, все время переходит на уровень идеологии, проблематизации, в особенности там, где речь идет о «швейцарском», о постмодерности, демифологизации. Было бы более корректным в теоретическом плане использовать термин «проблематика» и «проблема» (например, если Вторая мировая – это «тема», то ее швейцарская или собственно авторская интерпретация – уже, несомненно, «проблема»).

3. Довольно поверхностным видится понимание «реализма» и «реалистичности», которые в 1 и 2 главах, по сути, отождествляются с достоверностью, верности автобиографии, т.е. с «фактуальностью», а вовсе не с жизнеподобием и иллюзией объективности. Кроме того, по прочтении складывается впечатление, что реализм никак исторически и типологически не дифференцирован, мыслится диссертантом как некий монолит, невнятно-условное пространство «канона», в то время как даже в XIX веке существовали разные «реализмы», не говоря уже об усложнении и разветвлении в XX веке, и выявление историко-литературных связей с Флобером, Достоевским, Толстым, Хемингуэем, Грассом, к которым заметно тяготеет Видмер, было бы здесь редуцировано. Возможно, именно не в полной мере отрефлексированное и не вполне исторически корректное восприятие реализма побуждает диссертанта видеть в манере Видмера некий «синтез» реализма и постмодернизма, в то время как чисто методологически это невозможно: постмодернизм вступает в отношение включения (как части в целое) со всеми стилями и поэтиками, но не в отношении синтеза, иначе он

бы утратил свою ироническую дистанцию. И далее: как диссертант видит «синтез» реалистической установки на объективность, концептуализации действительности и тотального скепсиса постмодернизма, воспринимающего такую «объективность», как и «действительность» в качестве культурных конструктов среди других конструктов? Реализм может входить в инструментарий постмодерниста как один из методов, но именно в снятом, карнавализованном виде. В связи с Видмером («Любовник моей матери», «Дневник моего отца») вряд ли можно говорить о столь явной карнавализации, и тогда, видимо, следует искать дальше формулировки взаимоотношений писателя как с современным ему постмодерном, так и с художественными стилями, унаследованными из прошлого.

4. В диссертации практически отсутствует выявление связей Видмера с модернизмом: этот период, который сегодня исследователи склонны рассматривать, по сути, как подготовительный этап постмодерна, выпадает из зоны внимания автора работы. А между тем очень многое в творчестве и личности Видмера указывает на непреодоленную связь с модернизмом, на присутствие чисто модернистских констант: тоска по целостности личности, поиски подлинного «я» и в связи с этим литературно-исповедальная реконструкция истории своей жизни, осознание глубокой «лжи» современной политики, убежденность «в ложном ходе развития истории» (с. 131) (между тем постмодерн отказывается от бинарной оппозиции истины и лжи!), «недостижимость искомой гармонии» (с. 127), «поиск утраченной гармонии», «сюжет творения в слове», (с. 135), «тоска по новой мифологии», интерес к фигурам Орфея и Одиссея (но это ключевые неомифологические фигуры модернистов – Рильке, Кокто, Бретона, Джойса!). Всё перечисленное взято из работы И.А. Стихиной, однако там эти очевидно модернистские элементы не отрефлексированы в данном качестве. Сложность атрибуций возникает, вероятно, оттого, что постмодернизм в период его расцвета (1960–1990 гг.) создавался как идеология противостояния с модернизмом и идеологи этого движения (Р. Барт, Ю. Кристева, Ж.-Ф. Лиотар и др.), на

которых опирается И.А. Стихина, не осознавали тесной связи двух этих стадий западной культуры. Литература как феномен куда более сложный, чем интеллектуальные схемы, как оказалось, может находиться в сложном диалоге с парадигмами разных эпох и стилей, поэтому выявить более точно, в каких именно отношениях находится Видмер-постмодернист с реализмом и модернизмом, вероятно, должно стать задачей исследования следующего уровня. И здесь, вероятно, понадобится опыт сопоставления его с фигурами подобного сложного мировоззренческого и стилевого характера, такими как Петер Хандке, Герт Йонке, Гюнтер Грасс, Томас Бернхард, Кристиан Крахт.

Указанные дискуссионные моменты лишь подчеркивают сложность материала и высокий уровень задач, которые поставила перед своим исследованием И.А. Стихина. Однозначного ответа на них пока может и не существовать: история современной литературы только пишется.

Подводя итог, следует заключить, что представленная диссертация И.А. Стихиной представляет собой целостное, оригинальное, завершенное научное исследование, свидетельствующее о высоком профессиональном уровне автора.

Заключение

Диссертация «Проза Урса Видмера: поэтика “швейцарского”», представленная на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (Западная Европа), соответствует пп. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней», предъявляемым к кандидатским диссертациям, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842, и заслуживает присуждения ее автору искомой ученой степени кандидата филологических наук.

Отзыв составлен доцентом кафедры теории и истории мировой литературы Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, кандидатом филологических наук (10.01.03 – литература народов стран зарубежья

(европейская и американская литературы) Котелевской Верой Владимировной (почтовый адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая 105/42, тел.: 8918 566 1134, e-mail: vvkotelevskaya@sfedu.ru).

Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры теории и истории мировой литературы Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета (протокол № 3 от 13 ноября 2018 г.).

Заведующий кафедрой
теории и истории мировой литературы
Института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южного федерального университета,
доцент, доктор филологических наук

Ольга Анатольевна Джумайло

13 ноября 2018 г.

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Лицую подпись О.А. Джумайло

ЗАВЕРЯЮ:

Специалист по работе с персоналом
I категории Р.А. Кармазин
" 14 " 11 / 2018

